

**ОТНОШЕНИЯ СССР С КИТАЕМ В ГОДЫ КРИЗИСА ВЕРСАЛЬСКО-
ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1931–
1937 гг.)**

Прошло слишком мало времени после окончания XX в. – периода стремительных перемен, войн и революций, чтобы дать исчерпывающую оценку событиям и процессам, разворачивавшимся на протяжении того столетия. И тем не менее, в наше время, время стратегического партнерства двух великих государств – России и Китая, ставшего важным фактором и элементом международной политической стабильности, историческое прошлое, накопленный позитивный опыт советско(российско)-китайского взаимодействия представляет большой научный и политический интерес, ибо он позволяет лучше понять настоящее, определить перспективы будущего.

* * *

Советская политика в Китае в первой половине XX в. была направлена на оказание поддержки китайскому народу, добивавшемуся создания объединенного (единого), независимого демократического китайского государства.

Каждое государство, великая держава или страна, ставшая на путь борьбы за независимость, реализует во внешней политике, прежде всего, свои государственные интересы (защита суверенитета, территориальной безопасности и целостности страны, создание благоприятных международных условий для политической, экономической, социальной сфер развития). Определение путей и способов решения этих проблем во многом зависит и зависело ранее от политики правящих кругов государства. В Москве

* Мировицкая Раиса Анатольевна, к.и.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

на каждом этапе истории XX в. при разработке внешнеполитических приоритетов на дальневосточном направлении учитывались государственные интересы и СССР, и Китая, и в текущий исторический момент, и на перспективу.

Китай и Россия имели (и имеют сейчас) самую протяженную пограничную линию, обе страны обладают опытом более чем 400-летнего периода добрососедства. В XX в. модель российско-китайского взаимодействия являлась примером отношений двух разнотипных государств в экстремальных условиях революционных преобразований и в России, и в Китае. Оба государства решали свои политические программы развития, активно противодействуя вмешательству разноплановых сил извне¹.

В освещении и толковании событий истории советско-китайских отношений существовали и существуют проблемы, присущие международным отношениям в целом, просвечивается трудно различимая тонкая грань между «чистой историей» и прикладной политикой.

В 1930–1940-е годы отношения СССР с Китаем развивались в обстановке резкого обострения международной обстановки, кризиса Версальско-Вашингтонской системы и возникновения нового очага мировой войны; они находились под влиянием различных сил: японской агрессии в Китае, борьбы региональных китайских военно-политических сил против нанкинского правительства, гражданской войны в Китае. Основные политические партии Китая Гоминьдан (ГМД) и Китайская коммунистическая партия (КПК) выступали за создание на китайской земле объединенного, независимого государства, что открывало возможности (в определенных исторических условиях) единства действий ГМД и КПК против общего врага – Японии. И ГМД, и КПК возлагали на СССР особые надежды в решении проблемы отношений «ГМД–КПК» в свете борьбы с Японией и были заинтересованы в

развитии отношений с нашей страной. Первое обстоятельство вылилось в начало войны сопротивления китайского народа японской агрессии, второе - в начало формирования единого национального антияпонского фронта в Китае, который и определил возможность борьбы Китая за сохранение китайского государства.

На рубеже 1920–1930-х годов *советская дипломатия на дальневосточном направлении была ориентирована на поддержание добрососедских отношений и с Японией, и с Китаем.*

Япония выбрала чрезвычайно благоприятный для военных действий момент – основные военные силы ГМД вели борьбу с армией КПК. Правительство Чан Кайши исходило из того, что его режим слишком слаб, чтобы быть втянутым в вооруженный конфликт с Японией, поскольку Китай был политически нестабилен, главным образом из-за продолжавшейся гражданской войны (к началу 1932 г. КПК контролировала примерно 300 уездов в 11 провинциях Китая). В ноябре 1931 г., через два месяца после вторжения Японии в Северо-восточный Китай (Дунбэй), была образована Китайская советская республика со столицей в Жуйцзине. Конечно, Китайская советская республика в 1931 г. была скорее виртуальным образованием, но у нее, при советской поддержке, были определенные перспективы. «Выжидательная позиция» западных держав, интересы которых пересекались в Китае, заставили Китайскую Республику (возглавляемую Чан Кайши) принять решение *не объявлять войну Японии, не выступать с заявлением о разрыве дипломатических отношений.* КР ограничилась подачей жалобы в Лигу Наций, потребовав восстановления статус-кво и компенсации причиненного ущерба. Нанкинское правительство, рассчитывая решить проблему дипломатическим путем, обратилось к армии и населению северо-востока Китая с призывом избегать столкновения с японскими властями и ждать решения Лиги Наций.

Правительство СССР, советская общественность были серьезно озабочены развитием событий в Китае. В сентябре 1931 г. еще не были восстановлены советско-китайские дипломатические отношения (прерванные в 1929 г.). Длительный разрыв этих отношений был одним из обстоятельств, позволивших Японии вторгнуться в Китай.

Одним из прямых последствий японской агрессии явилось восстановление в полном объеме дипломатических и консульских отношений между СССР и КР. 26 июня 1932 г. представитель КР в Комитете по разоружению в Женеве Янь Хойцинъ сделал наркому иностранных дел СССР М.М.Литвинову официальное предложение правительства КР восстановить дипломатические отношения между странами и подписать договор о ненападении между КР и СССР. В Нанкине, столицах других держав не исключали, что нормализация советско-китайских отношений может ускорить начало японо-советской войны. Советский полпред Д.В.Богомолов, прибывший в Нанкин в начале 1933 г., в одном из первых докладов в Москву писал, что ожидание столкновения советских и японских войск как вариант развития событий широко обсуждается в китайском обществе². Правительство КР не исключало также, что восстановление дипломатических отношений с СССР будет способствовать стабилизации японо-китайских отношений.

Советское правительство, принимая решение по вопросам дальневосточной политики, учитывало, что не только Китай, но и Советская Россия тогда не были готовы к войне с Японией, а тем более к войне на два фронта (на Западе и Востоке). Советские программы модернизации страны (коллективизация, индустриализация), создание и укрепление оборонного комплекса находились в стадии начальной реализации, вызывая определенное напряжение в обществе, а оборонная доктрина не предусматривала ведения «превентивной» войны до нападения на СССР.

Отметим, что китайское правительство приняло решение о нормализации отношений с СССР, несмотря на наличие главного «раздражающего фактора» в советско-китайских отношениях – деятельности КПК. Китайская компартия получала из Москвы руководящие указания, разнообразную помощь, включая военную и финансовую. Формально это была помощь по линии Коминтерна, но фактически она являлась поддержкой китайских коммунистов со стороны советского государства.

Несмотря на серьезные разногласия, в Москве и Нанкине не забывали, что в 1920-е годы СССР оказал помощь национально-революционным силам Китая в создании армии, в организации Северного похода национально-революционной армии, руководителем которого был Чан Кайши, т.е. на определенном этапе китайской истории СССР поддерживал ГМД в борьбе за власть. Чан Кайши и его единомышленники осознавали значимость и результативность вероятной поддержки (военной, моральной) советского государства Китаю в складывавшейся международной и внутривосточной обстановке³.

Правительство СССР приняло решение о нормализации советско-китайских отношений в полном объеме. Переговоры о пакте ненападения было решено продолжить после восстановления отношений между странами⁴. Важнейшей задачей советской дальневосточной политики было, сохраняя на должном уровне советско-японские отношения и не вступая в войну с Японией, при необходимости оказать поддержку Китаю в отражении японской агрессии.

В 1933 г. открылись советское полпредство в Нанкине, генеральные консульства в Шанхае и Тяньцзине, а затем и в Пекине (в апреле 1937 г.). Штаты советских представительств были невелики: в полпредстве работало 10 человек, в генконсульствах – 5 (в Шанхае), 3 (в Пекине) и 2 (в Тяньцзине). Генконсулом в Шанхае,

а затем и в Пекине был назначен И.И.Спильванек, в Тяньцзине – В.Н.Барков, опытные советские дипломаты. Полпредом СССР в КР стал Д.В.Богомолов⁵.

После восстановления советско-китайских отношений основным направлением советской политики на китайском направлении в 1931–1937 гг. стал диалог с правительством Китайской Республики. В начале 1930-х годов советское правительство, учитывая особенности внутривосточной ситуации в Китае (фактическая независимость или полунезависимость ряда китайских регионов от центра, в том числе вблизи линии прохождения советско-китайской границы, в Синьцзяне, во Внешней Монголии, где шел процесс создания монгольской государственности, в Маньчжурии), поддерживало с администрациями китайских провинций весьма широкие торгово-экономические и иные связи, рассчитывая, что руководители китайских провинций информировали бы о них нанкинское правительство.

В декабре 1931 г. Совет Лиги Наций принял первую резолюцию по маньчжурскому вопросу. Совет не стал вводить против Японии какие-либо санкции. Было принято решение организовать авторитетную международную комиссию для расследования событий в Северо-восточном Китае. Перед комиссией под руководством лорда В.Литтона, в составе представителей Великобритании, Франции, Германии и США, стояла задача посетить страны Дальнего Востока и представить выводы и предложения в Совет Лиги Наций.

Из государств-гарантов Вашингтонской системы международных отношений наиболее ясную позицию заняли США. В январе 1932 г. государственный секретарь США Дж.Стимсон направил Китаю и Японии ноты, в которых была сформулирована позиция США в отношении японского вторжения в Северо-восточный Китай, получившая впоследствии известность как «доктрина Стимсона». В документе подчеркивалось, что США отказываются признавать какие-либо действия,

нарушающие суверенитет и территориальную целостность Китая, а также международные договоренности, навязанные с помощью военной силы.

А тем временем Япония продолжала войну в Китае. В январе 1932 г. японские войска попытались захватить деловой центр Китая Шанхай. Под напором сил США и Великобритании им пришлось отступить, но Япония закрепились на территории Дунбэя – Северо-восточного Китая.

Осенью 1932 г. Лига Наций признала Японию агрессором, потребовала вывода ее войск из Дунбэя и призвала все государства мира не признавать Маньчжоу-го де-юре и де-факто. Экономические, военные санкции в отношении Японии Лигой Наций не предусматривались.

Япония отказалась признать выводы комиссии и резолюцию Лиги Наций, более того, вторглась в еще одну северо-восточную провинцию Китая – Жэхэ и присоединила ее к Маньчжоу-го. 27 марта 1933 г. Япония вышла из состава Лиги Наций. На Дальнем Востоке разрасталась конфликтная ситуация.

Вторжение японских войск в Северо-восточный Китай побудило советское руководство к укреплению обороноспособности дальневосточных рубежей СССР и активизации усилий по созданию международной коллективной системы безопасности.

Закрепление японской армии в Дунбэе и создание на территории Северо-восточного Китая плацдарма агрессии чрезвычайно обострило обстановку на Дальнем Востоке. Практически ни одно государство Азии не было застраховано от последующего расширения театра военных действий японской армии на континенте. Советское правительство неоднократно предлагало начать переговоры по заключению регионального Тихоокеанского пакта о взаимной помощи со всеми тихоокеанскими державами.

После получения информации о маньчжурском инциденте заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М.Карахан сообщил главе китайской делегации на советско-китайской конференции Мо Дэгуо, что инцидент усиливает необходимость нормализации отношений между СССР и КР⁶. В заявлении Л.М.Карахана подчеркивалось, что китайское правительство может совершенно спокойно и свободно предпринимать те шаги, которые оно считает нужным, и что СССР всегда стоял и стоит за развитие дружественных отношений с Китаем. Наряду с этим *дипломатическим представителям СССР за рубежом было дано указание придерживаться строгого нейтралитета и ограничиваться регистрацией фактов.*

Советское государство по официальным каналам оказало поддержку китайской армии, отступавшей с боями под натиском японских сил к советским границам. Армия генерала Су Бинвэня перешла советско-маньчжурскую границу, далее была интернирована в Китай⁷.

В декабре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, считая, что эту международную организацию можно использовать как трибуну для защиты стран, подвергшихся агрессии извне. В 1933 г. были установлены дипломатические отношения с США.

Нарком иностранных дел СССР М.М.Литвинов в беседе с японским послом в Москве выразил серьезную обеспокоенность действиями японской армии, напомнив, что они грубо нарушают Портсмутский договор 1905 г., запрещающий Японии размещать войска в Северо-восточном Китае. Посол заверил Литвинова, что Япония предпримет тщательные меры, чтобы избежать столкновения в зоне КВЖД и нанесения ущерба дороге, заметив, однако, что договор 1905 г. подписывался Японией с царской Россией⁸.

Вопросы внутренней и внешней политики Маньчжоу-го решались в Токио. Одной из важнейших стратегических задач советской внешней политики было сохранение

добрососедских отношений со всеми странами региона. В директивах НКВД СССР, направленных полпреду СССР в Японии, А.А.Трояновскому поручалось вступить в неофициальные переговоры с японскими дипломатами по вопросу о советско-маньчжурских отношениях. Согласно архивным документам, в директивах допускалась возможность сотрудничества де-факто с властями Маньчжоу-го на тех же условиях, которые действовали в отношениях с властями Северо-восточного Китая с 20 сентября 1924 г. То есть, в соответствии с Соглашением между правительством СССР с правительством Трех Автономных Восточных провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях⁹.

Японская сторона настаивала на официальном признании Советским Союзом Маньчжоу-го. Однако этот вопрос в Москве был снят. Тем не менее, де-факто отношения между СССР и Маньчжоу-го имели место. В 1932 г. открылись консульства Маньчжоу-го в Чите и Благовещенске (однако вопрос об открытии в Москве генконсульства Маньчжоу-го, на чем настаивали японские и маньчжурские власти, был советским правительством заблокирован).

Советские дипломаты в Китае и Японии продолжали отслеживать реакцию нанкинского правительства, а также властей Маньчжоу-го на политику СССР. Советский полпред в КР Д.В.Богомолов в докладе, направленном в Москву 30 января 1934 г., писал: «Первые месяцы 1933 г., от восстановления отношений до приезда полпредства в китайских кругах возлагали большие надежды на помощь со стороны Советского Союза в японо-китайском конфликте. Возможно, что руководящая часть правительства, представляемая Чан Кайши, не рассчитывала и даже не хотела этого, но часть руководящих кругов нанкинского правительства, находившаяся под влиянием широкой компании в китайской прессе в пользу восстановления отношений безусловно надеялась на некоторую поддержку от Советского Союза для оказания сопротивления

Японии ... Но охлаждение наступило довольно быстро ... совпало с опубликованием нашего предложения о продаже КВЖД»¹⁰. Однако переговоры между странами о подписании пакта о ненападении, торговле и другим вопросам начались. Ожидать заметного прогресса в сфере межгосударственных отношений в первый половине 1930-х годов было нереально, хотя путь к договоренностям был открыт.

Во второй половине 1934 г. наметились определенные подвижки в деле сближения позиций руководства СССР и КР по проблемам советско-китайских отношений. Это позволило Чан Кайши поставить вопрос о возможности возвращения его сына из СССР на родину.

Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, с 1925 г. жил и работал в СССР на Урале¹¹. 8 марта 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло Постановление: «Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен»¹². В начале мая 1937 г. Цзян Цзинго вернулся в Китай. В начале мая в Китай также вернулся из длительного отпуска полпред Д.В.Богомолов¹³.

В последующие годы Чан Кайши с успехом использовал неформальные каналы связи или личную дипломатию, направляя в Москву, к И.В.Сталину специальных представителей из числа доверенных лиц, среди них был и его сын – Цзян Цзинго, сын Сунь Ятсена – Сунь Фо, генералы Ян Цзэ и Хэ Яоцзу, известный деятель ГМД Шао Лицзы и др. с личными посланиями, адресованными руководителям СССР для обсуждения и решения вопросов двусторонних советско-китайских отношений, международных связей в целом.

В середине декабря 1933 г. китайским средствам массовой информации было дано указание не публиковать материалы с изложением предполагаемых статей советско-китайского пакта о ненападении, а когда информация о переговорах все-таки появилась в прессе, МИД КР опубликовал опровержение¹⁴. Полпред Д.В.Богомолов в

послании, направленном в НКВД СССР, сообщал, что, по мнению китайцев, «дружественные отношения с СССР могли бы иметь для китайцев ценность, если бы создавали гарантию против японской агрессии, с этой точки зрения советский нейтралитет ничего не даст, так как вследствие своей слабости Китай не может оказать сопротивление Японии»¹⁵.

Переговоры продолжались. 11 мая 1933 г. китайская сторона вручила советскому полпреду проект пакта о ненападении между КР и СССР. Полпред направил документ в Москву, выразил сомнение в приемлемости отдельных его статей¹⁶. Л.М.Карахан поручил Д.В.Богомолу заявить китайской стороне о принципиальном согласии на ведение переговоров по пакту о ненападении. Советский проект пакта был утвержден ПБ ЦК ВКП(б) и вручен представителям КР 13 октября 1933 г. Отказ Японии подписать с СССР пакт о ненападении (1931 г.) воспринимался в Китае как подготовка японского правительства к обострению японо-советских отношений. В докладе Богомолу «Политическое и экономическое положение Китая в 1933 г.» отмечалось, что: «1. Политику Китая по отношению к нам определяют: ожидание советско-японской войны, уверенность в ее неизбежности; 2. Нанкин не желает идти на пакт с нами, опасаясь осложнения отношений с Японией, новых репрессий с ее стороны, не желает себя связывать с нами на случай советско-японской войны»¹⁷. В Москве приняли решение занять выжидательную позицию. Как и Китай, СССР опасался санкций со стороны Японии.

К тому же, начались советско-японские (маньчжурские) переговоры о продаже КВЖД, вызвавшие дополнительно напряжение в советско-китайских отношениях.

Летом 1934 г. Ван Цзинвэй заверил японскую сторону, что пакт о ненападении с советским государством Китай не подпишет. 11 октября 1934 г. он же в беседе с советским полпредом заявил, что, по мнению китайской стороны, пакт о ненападении в

данное время не нужен ни Китаю, ни СССР, ибо оба государства не являются агрессорами, а наоборот, государствами, которым угрожает агрессия. К тому же обе страны являются членами Лиги Наций, что освобождает их от необходимости заключать особые пакты о ненападении.

Но советские и китайские лидеры продолжали, хотя и очень осторожно, искать пути к сближению позиций. Так, в СССР считали важным довести до китайской стороны содержание советской политики в провинции Синьцзян, во Внешней Монголии и в других районах, пограничных с СССР.

В 1933–1934 гг. советское правительство приняло ряд решений по такой чувствительной в советско-китайском диалоге проблеме, как политика Москвы в отношении провинции Синьцзян: 3 августа 1933 г. на ПБ ЦК ВКП(б) были утверждены (единогласно) директивы по работе в Синьцзяне, первым пунктом которых было: «Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая»¹⁸. В развитие документа, 27 сентября 1933 г. Г.Я.Сокольников, заместитель наркома иностранных дел (и один из соавторов Директив) в письме Д.В. Богомолу сообщал: «Мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая [в Синьцзяне] и не будем ни в коей мере поддерживать какие-либо сепаратистские движения в Синьцзяне. Но наши экономические интересы в Синьцзяне очень значительны и мы не имеем никаких оснований отказываться от укрепления экономических связей с Синьцзяном, что также целиком соответствует интересам самого Синьцзяна, для которого СССР в силу своего географического положения при данном развитии путей сообщения почти единственный рынок сбыта»¹⁹.

В развитие Директив в июле 1934 г. была начата переписка советского руководства (И.В.Сталин, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов) с дубанем (губернатором) Синьцзяна Шэнь Шицаем. В письме от 27 июля 1934 г. из Москвы подчеркивалось:

«Мы считаем неправильным мнение о необходимости, целесообразности для Синьцзяна свергнуть нанкинское правительство ... Оно находится на пути борьбы с внешними империалистическими врагами Китая. Теперь, когда империалисты отрывают от Китая провинцию за провинцией, ... задача состоит в том, чтобы бороться против всего того, что может ослабить Китай ... *Вот почему мы Вам советуем держаться в отношении нанкинского правительства политики полной лояльности и единого фронта с ним в борьбе с империализмом*»²⁰. В директивном письме советскому советнику Шэнь Шицзя Г.А.Апресову особо подчеркивалось: «Первое – СССР стоит твердо и непоколебимо на точке зрения целостности Китая и ни прямых, ни косвенных вождедений в отношении Китая не имеем.

Второе. Мы поддерживаем и намерены поддерживать Шэня только потому, что считаем территориальную целостность Китая целесообразным и желательным не только с точки зрения Китая, но и с точки зрения СССР»²¹.

В письме Шэнь Шицзя в Москву от 1 ноября 1934 г. отмечалось: «Я также согласен с Вашим указанием о неправильности мнения о целесообразности для Синьцзяна свергнуть нанкинское правительство. Нанкин еще стоит на антиимпериалистическом пути ... Если нанкинское правительство никогда не станет авангардом империализма ... то я, конечно, буду ему полностью и искренне подчиняться»²².

Советскому полпредству в Нанкине поручалось разъяснить правительству КР цели и задачи сотрудничества СССР с местными властями Синьцзяна. 8 августа 1934 г. НКВД СССР обратил внимание полпреда Богомолова, что «важнейшим практическим вопросом наших отношений с Нанкинским правительством является договоренность относительно Синьцзяна». Вопрос о Синьцзяне постоянно присутствовал в советско-

китайских отношениях 1935–1937 гг., оставаясь одной из приоритетных межгосударственных проблем.

На синьцзянском пространстве постоянно тлели очаги межнациональных конфликтов. Эти события вблизи советских границ не могли не беспокоить Москву. К тому же в советской торговле на азиатском пространстве Синьцзян занимал почетное третье место, после Персии и Монголии. Внешняя торговля в основном велась через Совсиньторг. Кроме того СССР оказывал Синьцзяну значительную финансовую, военно-техническую, инструкторскую помощь²³. В феврале 1935 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло решение предоставить правительству провинции заем в размере 5 млн зол. рублей. Правительство Чан Кайши, естественно, внимательно отслеживало действия СССР в провинции, проявляя озабоченность активностью советских внешнеторговых и других ведомств.

21 марта 1935 г. нарком иностранных дел М.М.Литвинов в беседе с послом Янь Хойцинем особо подчеркнул, что «никакие вождедения в отношении Синьцзяна, ни в отношении других частей китайской территории мы не имеем. Наше сотрудничество с местной властью укрепляет суверенитет Китая. Мы заинтересованы лишь в том, чтобы Синьцзян не попал под влияние третьих стран, в сохранении торговли с Синьцзяном, одинаково полезной и нам, и синьцзянскому населению». Советские дипломаты неоднократно подтверждали, что СССР будет неизменно приветствовать усиление авторитета правительства КР в Синьцзяне.

Как известно, на первом этапе японо-китайской войны, в 1937 и 1938 гг. Синьцзян стал одним из важнейших путей, по которому СССР направлял сражавшемуся Китаю военно-техническую и инструкторскую поддержку²⁴.

После вторжения японской армии в Северо-восточный Китай осенью 1931 г. ведущим направлением японской политики, как уже отмечалось, было вытеснение

России из региона, в том числе с КВЖД. Советское руководство в первой половине 1932 г. полагало возможным сохранение в районе КВЖД режима, существовавшего с сентября 1924 г. (Соглашение с властями Северо-востока, подписанное 20 сентября 1924 г.), но японо-маньчжурская сторона продолжала нагнетать обстановку. Руководство СССР в целях сохранения мира и избежания вооруженных конфликтов с Японией, вынуждено было в 1933 г. принять решение о продаже КВЖД японо-маньчжурской стороне и об эвакуации из Дунбэя советских работников КВЖД и членов их семей.

После двух лет проволочек и провокаций КВЖД была продана за 140 млн иен, с внесением 1/3 суммы деньгами, а 2/3 – поставками маньчжурских и японских товаров по советским заказам в течение 3 лет. Дополнительно выделялось 30 млн иен для выплаты советским служащим, работавшим на КВЖД, в качестве выходных пособий, пенсий и т.д. Обусловленная сумма была вынужденной, мизерной по сравнению с фактической стоимостью КВЖД и обслуживавших дорожку объектов.

Соглашение с японо-маньчжурской стороной, повторяем, было вынужденной акцией с целью локализации японских провокаций на дороге, т.е. в зоне советско-маньчжурской границы. В докладной записке полпреда СССР в Японии К.К.Юренева в НКВД СССР от 9 февраля 1935 г. были подведены итоги прошедших переговоров, в которых, по его мнению, ярко проявились гибкость и прагматизм дипломатии России и Японии²⁵. В частности, Юренев отметил, что «мы сделали, несомненно, очень большие уступки Хироте, но и он также пошел навстречу во многом, особенно в вопросе о расчетах с рабочими и служащими ... Сговариваясь с нами о дороге, Хирота, как это нами предвиделось, готовил новый шахматный ход в очень деликатном, с точки зрения советско-японских отношений направлении – в вопросе о так называемых вооружениях и укреплении СССР на Дальнем Востоке и в особенности вдоль границы СССР с

Маньчжоу-го, в вопросе о советских подводных лодках»²⁶. Да, действительно, в период переговоров с японцами СССР ценой огромных усилий значительно укрепил восточную границу и к концу 1936 г. стал одной из крупнейших тихоокеанских держав. Если ранее в Японии считалось, что можно спровоцировать войну против СССР и одержать быструю победу, то в середине 1930-х годов Японии пришлось внести коррективы в свой политический курс на Дальнем Востоке.

Советский Союз подписал соглашение о КВЖД с третьей стороной, переуступил свои права на КВЖД *без согласования с Китаем*, что противоречило советско-китайским договоренностям 1924 г., но действия советского руководства определились главным образом особенностями международных отношений в регионе, опасением ввергнуть советскую страну в войну еще неподготовленной и одновременно как на Востоке, так и на Западе. Соглашение «СССР–Японо-маньчжурская сторона» о КВЖД вызвало закономерную реакцию китайской стороны – протесты правительства и общественности, что на неопределенное время снизило возможность улучшения советско-китайских отношений²⁷.

Следует вспомнить, что китайская сторона в 1929 г. предприняла попытку вооруженного захвата КВЖД, объясняя ее стремлением реализовать программу отмены неравноправных договоров западного мира с Китаем²⁸.

После того как информация о переговорах стала достоянием прессы, в ходе советско-японских контактов о продаже КВЖД НКВД СССР неоднократно разъяснял, что «Лига Наций не выполнила свои обязанности по защите Китая от агрессии, в результате нового положения, сложившегося в трех северо-восточных провинциях Китая, СССР несет крупнейший материальный и политический ущерб. Это положение и вызванный им ущерб находится в полном противоречии с Пекинским договором 1924 г. и Китай как контрагент СССР в этом договоре, не мог предотвратить этого ущерба.

Советский Союз сам должен был стремиться оградить свои материальные и политические интересы на КВЖД и связанные с КВЖД в результате чего и возникло предложение продать КВЖД новой власти в Северо-восточного Китая, если Китай восстановит свою власть в Дунбэе, то тогда он получит КВЖД целиком в свое владение, без всякого выкупа и, следовательно, выиграет от продажи КВЖД на настоящем этапе»²⁹. Спустя 10 лет, в 1945 г., начался второй этап советско-китайского сотрудничества на КВЖД³⁰.

Обзор упомянутых проблем свидетельствует, в какой сложнейшей международной обстановке, отягощенной непростым историческим наследием, приходилось действовать Советскому Союзу и Китайской Республике в ходе согласования общих для стран вопросов войны и мира, связанных с японской агрессией. Но главной проблемой в советско-китайских отношениях была гражданская война в Китае.

В июле 1935 г. китайская сторона поставила перед советским полпредом вопрос: готово ли советское правительство подписать с Китаем пакт о взаимопомощи? Вопрос был для полпреда неожиданный. В Китае уже шла необъявленная японо-китайская война, и подписание договора автоматически вовлекло бы СССР в войну с Японией. Полпред заметил, что в настоящее время не подписаны договоры о ненападении, о торговле, другим вопросам советско-китайских отношений. Кун Сянси, замещавший в тот момент Ван Цзинвэя на посту председателя правительства заметил, что в отличие от МИД КР правительство Китая готово к переговорам по всем вопросам отношений, но на это требуется время³¹.

Правительству Чан Кайши становился все очевиднее допущенная им ошибка - неоправданный расчет на военное столкновение Японии и СССР и на решение проблем китайско-японских отношений дипломатическим путем. Требовались

другие оценки роли Советского Союза в дальневосточных делах. На передний план выдвигалась проблема получения Китаем активной и дружественной военной помощи от СССР. Параллельно с этим правительство Китая продолжало добиваться военного содействия от западных держав.

Политика СССР состояла в недопущении трансформации Китая в «добровольную жертву» японской агрессии. На V пленуме ЦИК ГМД (6 декабря 1934 г.) были сформулированы задачи, стоявшие перед Китаем: добиваться территориального единства и суверенитета страны и сохранения ее политической независимости, а также построения международных отношений на принципах равенства. Советская политика была направлена на поддержку КР на пути к объединению и независимости, достижению равноправного положения в международных отношениях.

Вопрос о предоставлении советской военно-технической помощи был узловым в отношениях между СССР и КР. В Нанкине понимали, что СССР не начнет поставки вооружения китайской армии, не будучи уверенным, что оно не станет использоваться в борьбе с армией КПК. Таким образом, возможность поставки оружия была увязана с внутривнутриполитическим единством в Китае.

Проблема достижения единства ГМД и КПК в борьбе с Японией особо актуализировалась *после выхода китайской Красной армии из глубинных районов Китая* в район Шэньси–Ганьсу–Нинся. Именно тогда открылась возможность для начала контактов представителей двух китайских политических партий.

К этому времени советское руководство, Коминтерн, КПК разработали программу действий, учитывавшую изменения в международных отношениях, новые китайские реалии. Ее положения нашли отражение в решениях VII Конгресса Коминтерна³².

Поскольку деятельность Коминтерна находилась под жестким контролем ПБ ЦК ВКП(б), публичное заседание Конгресса Коминтерна в Москве стало подтверждением

того, что на китайском направлении СССР взял курс на возможность создания единого антияпонского фронта Гоминьдана и КПК.

Для понимания политической обстановки, в которой приходилось действовать и принимать решения правительству Чан Кайши и правительству СССР, следует напомнить и о беседе Чан Кайши с послом КР в СССР Янь Хойцинем *в ноябре 1934 г.* Чан Кайши говорил послу, что очень хотел бы сотрудничать с Советским Союзом, но ввиду сложившегося положения и той *внимательности*, с которой японцы следят за каждым его шагом по отношению к России – это весьма трудно делать. Японский фактор доминировал в китайско-советских отношениях и в последующие годы.

В первой половине 1936 г. у Д.В.Богомолова состоялись встречи с видными представителями ГМД. В 1936 г. Сун Цзывэнь сообщил полпреду, что японцы настаивают на объявлении Сун Чжэюанем автономии северных провинций Китая, более того, готовят военное выступление в Циндао и Фуцзяни против Внешней Монголии, причем, в Берлине подписано военное соглашение, направленное против СССР.

Кун Сянси проинформировал Богомолова, что японцы требуют свободы действий в районах [Китая] вне Великой стены: во Внутренней Монголии, северо-западных провинциях, включая Ганьсу и Синьцзян.

23 марта 1936 г. советский полпред направил в НКВД письмо, в котором сообщал, что усиление темпов японской агрессии должно, по его мнению, «увеличить интерес Чан Кайши к достижению соглашений с другими группировками и партиями [в Китае], включая КПК». Богомолов писал, что не информировал центр «об отношениях Чжан Сюэяна с коммунистами, так как полагал, что в Москве об этом известно больше, чем мне», т.е. из документа следует, что по коминтерновской линии реализовывались определенные новые программные установки по роли региональных китайских

группировок в отражении японской агрессии и деятельности КПК в данном вопросе. Полпред сообщал также: «Я следил внимательно за продвижением армии Мао Цзэдуна в Шэньси и не могу себе представить, как бы они могли проникнуть туда, если бы Чжан Сюэлян не отвел свою армию со значительного участка, открыв дорогу в Шэньси. Так, вероятно, и было.

Полагаю, что и сам Чан Кайши не возражал против проникновения Красных армий в Шэньси»³³. Напомним, эта запись была сделана полпредом *весной 1936 г.*

Как известно, в течение 1931–1935 гг. по коминтерновской линии шел процесс частичного пересмотра политического курса в отношении ряда региональных военно-политических группировок, использовавшихся в борьбе против правительства Чан Кайши.

После выхода основных сил Китайской Красной армии (ККА) на северо-запад страны, создания там Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся, со столицей Яньанью руководство КПК установило контакты с командованием Северо-западными армиями³⁴. В ходе переговоров генерал Чжан Сюэлян выразил согласие сотрудничать с КПК в борьбе против Японии, но отрицал возможность объединения с Чан Кайши.

Чан Кайши же в ноябре 1935 г. предпринял шаги к установлению неофициальных контактов с КПК, возложив данную миссию на Чэнь Лифу³⁵, и направил военного атташе посольства КР в Москве Дэн Вэньи для встречи с В.К.Блюхером, а также Ван Мином. Запись беседы с Ван Мином была опубликована в издании ВКП(б) «Коминтерн и китайская революция» (Т. 4)³⁶.

27 февраля 1936 г. руководство КПК получило предложение от нанкинского правительства КР приступить к неофициальным переговорам³⁷. В выступлении 5 апреля 1936 г. Чжоу Эньлай, проанализировав развитие отношений между армией КПК и армией генералов Чжан Сюэляна и Ян Хучэна, высказал мнение о возможности

совместного выступления против Чан Кайши. Однако уже *10 августа 1936 г.* Чжоу Эньлай на заседании ПБ ЦК КПК внес предложение снять лозунг «для отпора Японии необходимо бороться с Чан Кайши»³⁸. В то же время активизировалась переписка между Чжоу Эньлаем как представителем КПК и Чэнь Лифу, представлявшим правительство Китая (сентябрь 1936 г.).

С июля–августа 1935 г. китайская политика Москвы определялась поисками пути создания в Китае антияпонского фронта ГМД–КПК и развития советско-китайского сотрудничества по государственной линии. 28 декабря 1935 г. Б.С.Стомоняков в письме советскому полпреду разъяснил позицию НКВД СССР и руководства страны. В письме указывалось, что Москва согласна на предложение Чан Кайши о сотрудничестве и взаимной помощи против японской агрессии и подчеркивалось, что «Мы готовы оказать посильную поддержку Китаю *если бы он действительно вступил в освободительную войну против Японии (курсив мой. – Р.М.)*». В письме также говорилось, что возможно еще не наступил момент, подходящий для соглашения с Чан Кайши, поскольку Чан Кайши на данном этапе колеблется и идет на уступки Японии. Полпреду Д.В.Богомолову было дано поручение встретиться с Чан Кайши, выяснить его планы по защите Китая от агрессии, и его мнение о характере вероятных обязательств СССР. Также в письме указывалось, что «без реализации единого военного фронта войск Чан Кайши с частями китайской Красной армии невозможна серьезная борьба против японской агрессии». Полпред должен был заявить Чан Кайши, что *посреднические функции СССР в этом вопросе исключаются*³⁹.

Еще до получения данного указания – *19 декабря 1935 г.* состоялась встреча полпреда с Чан Кайши. Д.В.Богомолов подчеркнул, что СССР – сторонник политического объединения и экономической стабильности Китая, так как только в этом случае Китай будет важным фактором мира на Дальнем Востоке. Чан Кайши

заявил, что в прошлом между нашими странами были недоразумения, в том числе и по вопросу его отношений с КПК. Чан Кайши предложил положить в основу советско-китайских отношений соглашение Сунь Ятсена – Иоффе, подписанное в январе 1923 г. Богомолов, которого при откомандировании в Китай, очевидно, не ознакомили с историей советско-китайских отношений и соответствующими базовыми документами, направил ряд телеграмм и писем в НКВД СССР с предложением согласиться с Чан Кайши и открыть путь для договоренностей по развитию отношений с Китаем.

Ответ Богомолов получил только 19 мая 1936 г. В телеграмме Б.С.Стомоняков разъяснил полпреду, что «основой этой декларации было признание со стороны А.А.Иоффе, полпреда СССР в Пекине в 1922–1923 гг., о неприемлемости для Китая советского строя и коммунистической организации. Вы сами понимаете, что подтверждение нами этого тезиса ... было бы поистине ударом ножом в спину героической китайской компартии и китайским красным армиям»⁴⁰.

3 мая 1936 г. полпред сообщил в Центр, что Северо-западная группировка (Чжан Сюэлян и др.) как часть китайского общества «в принципе за соглашение с красными армиями» и что «перемирие с красными» фактически заключено. В общем, пишет Д.В.Богомолов, в «последнее время внутри Гоминьдана происходит своеобразная переориентировка отдельных группировок по двум направлениям: за соглашение с Японией или за борьбу против Японии». В этом процессе «сущность политики Чан Кайши заключается в игре на время. Он по-прежнему продолжает надеяться, что в международных отношениях на Дальнем Востоке произойдет какой-нибудь крупный фактор (например, советско-японская война), который создаст для него благоприятную обстановку». Однако с усилением японской агрессии все менее возможным становится сближение Чан Кайши с Японией. Полпред информировал Москву, что «из совершенно

достоверных источников нам известно, что Чан Кайши принимает серьезные меры к подготовке сопротивления Японии»⁴¹.

В октябре 1935 г. – октябре 1936 г. представители СССР и КР активно обсуждали вопрос о подписании пакта взаимопомощи и военно-технической помощи Китаю.

9 октября 1935 г. Кун Сянси поставил перед Богомоловым вопрос: возможна ли транспортировка военных грузов из СССР в Китай через Синьцзян в случае войны Китая с Японией? А 18 октября обсуждался вопрос о подписании «секретного военного соглашения, которое смогло бы обеспечить мир на Дальнем Востоке». Чан Кайши заверил при этом полпреда, что Китай не согласится никогда на военный союз с Японией против СССР. 20 ноября 1935 г., получив соответствующие указания из Москвы, полпред сообщил Кун Сянси, что «мы согласны продавать все, что производим» (имелись в виду поставки из СССР самолетов и запчастей к ним, танков и др. через Синьцзян).

В такой ответственный период переговоров, когда реально открывалась возможность подписания документа о советских военных поставках в Китай, Чан Кайши и поставил перед советским правительством вопрос о желательности подтверждения известного соглашения Сунь Ятсена – Иоффе как основы советско-китайского сотрудничества на текущем этапе.

Чан Кайши сообщил Богомолову, что самый важный вопрос в китайско-советских отношениях – КПК, что «хорошо бы, если бы СССР оказал давление в сторону признания ею авторитета Нанкина»⁴². Богомолов отказался «влиять» сам, но обещал информировать Москву. Советское правительство, со своей стороны, 21 марта 1936 г. интересовалось, готово ли китайское правительство подписать совместное соглашение о военной помощи Внешней Монголии⁴³? В части посредничества СССР в китайско-китайских отношениях (Гомиьндан – КПК) говорилось, что «мы будем приветствовать

любое соглашение между ними и их совместную борьбу для защиты целостности Китая», причем, на базе признания ККА авторитета власти в Нанкине.

В Москве кроме того настаивали на получении полной информации о японо-китайских переговорах по Протоколу от 12 марта 1936 г. и в целом о японо-китайских переговорах, перспективах и задачах, поставленных Чан Кайши. 19 мая 1936 г. Б.С.Стомоняков писал советскому полпреду, что «у нас за последние два месяца создалось впечатление, что позиция китпра к переговорам радикально изменилась...», имея в виду ноту протеста по монгольской проблеме. В Москве считали, что нота была направлена «под давлением Японии». Между тем, подчеркивалось в письме Б.С.Стомонякова, «защита Монголии Советским Союзом против Японии очевидным образом соответствует интересам Китая и это неоднократно подтверждалось в наших общих переговорах с нанкинским правительством». Кроме того в письме от 19 мая сообщалось, что «мы с интересом и удовлетворением ознакомились с заявлением Куна, что Чан Кайши считает переговоры между нами продолжающимися»⁴⁴.

28 июля 1936 г. Б.С.Стомоняков, комментируя беседы в Нанкине с Чан Кайши, Чэнь Лифу, Кун Сянси, дал указание поддерживать существующую атмосферу переговоров, подчеркивая их «продолжающийся характер». Вместе с тем в комментарии отмечалось, что «китайская сторона еще не выявила своих намерений, выжидая дальнейшего развития международной ситуации...», «надо избегать заявлений, которые могут быть истолкованы как подталкивание Китая на оказание сопротивления Японии. Нельзя также согласиться с необходимостью подтверждать китайцам, что в случае китайско-японского столкновения мы во всех случаях окажем поддержку Китаю»⁴⁵.

В конце августа китайская сторона вновь вернулась к вопросу о подписании пакта о взаимопомощи.

2 сентября 1936 г. Богомолов в письме Стомонякову, сообщая о беседах в Нанкине, в том числе по вопросу пакта о взаимопомощи, писал: «Я считаю, что вообще заключение нами пакта о взаимопомощи с Китаем весьма желательно ... Однако я полагаю, что в данный момент внутривластическое положение в Китае слишком неясное, чтобы мы могли бы идти на такой шаг. Отсюда практический вывод – по возможности затянуть переговоры, не нарушая той достаточно дружественной атмосферы, которая существует в настоящее время»⁴⁶.

Ранее, 27 июля 1936 г. Г.Димитров, секретарь ИККИ, пишет письмо И.В.Сталину по вопросу о необходимости создания в Китае единого антияпонского фронта и сообщает, что «необходимо дать нашим китайским товарищам (после беседы с Вами) ... разъяснение и советы по вопросу о едином антияпонском национальном фронте». Г.Димитров пишет, что «нужно взять курс на прекращение военных действий между Красной Армией и армией Чан Кайши, на соглашение с ней для борьбы против японских захватчиков, нужно, чтобы ККА и КПК официально предложили Гомиьндану и Чан Кайши немедленно вступить в переговоры о прекращении военных действий и заключении конкретного соглашения о сотрудничестве». В документе Г.Димитров подчеркивал, что КПК не должна поддерживать юго-западных генералов в их борьбе с Чан Кайши и что необходимо снять лозунг о немедленном объявлении войны Японии, заменив его лозунгом «Вон японских захватчиков из Китая!».

В письме затрагивался и вопрос о генерале Чжан Сюэляне: «Контакт с Чжан Сюэляном необходимо поддерживать, но самого Чжан Сюэляна нельзя рассматривать как надежного союзника. Особенно после поражения юго-западной (группировки) вполне возможны новые колебания Чжан Сюэляна, либо даже прямое его предательство по отношению к нам.

Мы ждем вашего делегата, чтобы подробно обсудить с ним весь круг поднимаемых вами вопросов и дать на них исчерпывающие ответы»⁴⁷.

На полях документа *помета* И.В.Сталина: «За. И.Ст[алин]⁴⁸». Таким образом Коминтерн в лице его руководителя поддержал инициативы правительства СССР на создание единого антияпонского фронта, имевшие огромное значение для последующей истории Китая.

10 ноября 1936 г. Д.В.Богомолов выехал в Москву. Воспользовавшись его отсутствием, посол КР в СССР Цзян Тинфу предпринял попытки перенести переговоры об улучшении отношений между странами в Москву, но нарком М.М.Литвинов, подчеркнув доверительный характер переговоров, которые вел полпред в Нанкине, отклонил предложение.

На расстановку политических сил в Китае заметно повлияли Сианьские события (декабрь 1936 г.)⁴⁹. На их заключительном этапе ГМД и КПК согласились *в принципе* на создание единого фронта в стране с целью борьбы против японской агрессии. Сами события – попытка командования Северо-западной армии (совместно с представителями КПК) расправиться с Чан Кайши – были расценены Сталиным как самая большая польза, которую можно было оказать Японии⁵⁰. Согласно записям в дневнике Г.Димитрова, только вмешательство И.В.Сталина, настаивавшего на необходимости мирного решения конфликта в Сиани и на использовании факта этих событий в переговорах с Чан Кайши, помогло исправить ситуацию.

15 декабря М.М.Литвинов принял посла КР и заявил, что Москва считает выступление Чжан Сюэяна большим несчастьем. 16 декабря Б.С.Стомоняков в телеграмме временному поверенному в делах И.И.Спильванеку осудил сианьские события, «которые объективно могут принести пользу только врагам Китая»⁵¹.

19 января 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) согласовало директивы для ЦК КПК: курс на поддержку всех мероприятий Гоминьдана и нанкинского правительства, направленных на прекращение гражданской войны и объединение всех сил китайского народа в борьбе против японской агрессии⁵².

Китайское руководство стало интересоваться, когда же полпред Богомолов вернется в Китай. 11 февраля Б.С.Стомоняков поручил И.И.Спильванеку сообщить китайской стороне, что полпред сделал доклад советскому правительству с конкретными предложениями по вопросу о сотрудничестве с Китаем и в конце февраля выедет в Китай⁵³. Однако решение об отъезде Д.В.Богомолова было принято только в марте 1937 г. Это было связано главным образом с корректировкой позиции советского правительства по китайской проблеме. Если в конце 1936 г. советское руководство, считая преждевременным заключение двустороннего пакта о взаимопомощи, все же предлагало заключить советско-китайский пакт о дружбе, то весной же 1937 г. оно заняло еще более осторожную позицию. Объяснялось это активизацией политики умиротворения агрессоров, которую последовательно стали проводить правительства Запада в Абиссинии, Испании и Китае, консолидацией сил Германии и Японии, подписавших 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновский пакт», направленным против СССР, а также внутривосточными событиями в СССР (февральский пленум ЦК ВКП(б)). Советское руководство видело единственную возможность противостоять агрессору в создании коллективного фронта миролюбивых государств. Китайское правительство считало, что пакты, подобные «Антикоминтерновскому», не могут гарантировать безопасность.

7 апреля 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло Постановление утвердить представленный НКВД проект пакта о ненападении. Вернувшийся в Китай после полугодового отсутствия полпред в докладе в Москву от 5 мая 1937 г. сообщал: «так

как наши предложения китпра совпали с моментом наибольшего смягчения японской политики в Китае и с моментом расцвета надежд у китайских политиков достичь наибольших уступок от Японии...в переговорах о Тихоокеанском пакте нам нет никакого смысла проявлять заинтересованность и ждать китайских инициатив»⁵⁴.

7 июля 1937 г. началось вторжение японских войск в Северный Китай (события в районе Лугоуцяо вблизи Пекина). Одновременно японские войска высадились на ряде островов на Амуре⁵⁵. М.М.Литвинов заявил протест послу Японии в СССР. Д.В.Богомолов в письме в НКВД 17 июля 1937 г. писал: «Я полагаю, что основной причиной усиления японской агрессии в Китае является безусловно англо-японское соглашение»⁵⁶.

Главным фактором, воздействующим на развитие советско-китайских отношений с 1937 г., была война, развязанная Японией. Советскому Союзу пришлось оказывать помощь Китаю не только из-за чувств дружбы и солидарности, но также потому, что японский милитаризм представлял угрозу для безопасности СССР.

Начало широкомасштабного вооруженного нападения Японии на Китай, изменение международной ситуации на Дальнем Востоке побудило советскую и китайскую стороны активизировать усилия по уточнению программы взаимодействия СССР и КР на период японо-китайской войны.

29 июля 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло Постановление о Китае. В Постановлении подчеркивалось: «Увеличить поставку оружия в кредит до 100 млн кит. долл., предложив нанкинскому правительству 200 самолетов со снаряжением и 200 танков на ранее сообщенных ему условиях, но с поставкой в течение 1 года. Считать непременным условием заключение пакта о ненападении. Предложить нанкинскому правительству допустить в Нанкин небольшую группу наших командиров для ознакомления с нуждами китайской армии. Согласиться принять для обсуждения у нас

группу китайских летчиков и танкистов. Удовлетворить просьбу о пропуске через Владивосток транзитом в Маньчжурию китайских военных»⁵⁷.

31 июля 1937 г. в директиве Москвы советскому полпреду поручалось сообщить китайской стороне, что «непременным условием военных поставок является предварительное заключение пакта о ненападении». Излагая 2 августа 1937 г. Чан Кайши позицию советского правительства, Д.В.Богомолов отметил, что «китайское правительство должно понять наше положение: мы не можем поставлять наше вооружение Китаю, не имея даже минимальной гарантии в форме пакта о ненападении, что наше оружие не будет употреблено против нас. Чан Кайши заверил, со своей стороны, что Китай никогда не нападет на СССР»⁵⁸.

В ходе переговоров 8 августа Чэнь Лифу выразил пожелание китайского руководства, чтобы обе стороны - полпред СССР в Китае и министр иностранных дел КР при подписании пакта о ненападении *устно* дали заверение, что ни Китай, ни Россия не подпишут с Японией пакт о неагрессии до окончания японо-китайской войны.

10 августа из Москвы полпреду были направлены следующие указания: 2-ю статью пакта завершить фразой «а равно воздерживаться от всяких действий и соглашений, которые могли быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде для подвергшихся к нападению», а также устно указать, «что это обязательство исчерпывает поставленный китайцами вопрос о не заключении пакта о ненападении с Японией и что из этого вытекает также, что китайская сторона обязуется не заключать ни с кем т.н. соглашения о борьбе «коммунистической опасностью», которое как показывает опыт японо-германского соглашения, по существу носит антисоветский характер»⁵⁹.

21 августа 1937 г. Д.В.Богомолов направил телеграмму в Москву вне очереди: «Сегодня в 22 часа подписан пакт о ненападении. Сделал словесное заявление. (Словесное заявление это: «Устная декларация, строго конфиденциальная, никогда не подлежащая оглашению ни официально, ни неофициально». - Р.М.). Условились, что даем в печать 29 августа с таким расчетом, чтобы текст пакта появился в газетах 30-го утром». Далее в телеграмме сообщалось, что «перед подписанием пакта виделся с Чан Кайши. Он согласился со всеми нашими предложениями, в частности с тем, что соглашение о военных поставках будет подписано в Москве»⁶⁰.

Как подчеркивали в своей вступительной статье к IV тому «Российско-китайские отношения в XX в.» В.С.Мясников и А.М.Ледовский, главное значение договора состояло в том, что в нем косвенно осуждалась японская агрессия против Китая. Договором создавалась международно-правовая основа для советско-китайских дружественных отношений. Условия договора не возлагали на СССР прямого обязательства оказывать военно-техническую помощь Китаю в его оборонительной войне против Японии, но и не лишали его такого права, не давая при этом Японии формального повода для агрессивных действий против СССР⁶¹.

С учетом «джентльменского соглашения» (устного дополнения к договору) 21 августа 1937 г. в Нанкине был *фактически* (курсив мой. – Р.М.) подписан Договор о взаимопомощи между СССР и КР. А формат подписания документа диктовался конкретикой исторической обстановки в 1937 г.

¹ Мясников В.С., Ледовский А.М. Отношения СССР с Китаем в период японо-китайской войны (1937–1945 гг.) в «Русско-китайские отношения в XX в.» Т. IV. Кн. 1. М. ПИМ. 2000. С. 6. [Далее: РКО в XX в.]. Сост. А.М.Ледовский, Р.А.Мировицкая, В.С.Мясников. Ред. академик В.С.Мясников. Отв. ред. академик С.Л.Тихвинский.

² См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 24 октября 1933 г.

³ См.: Там же. Док. от 20 января 1936 г.

⁴ См.: АВП СССР. Ф. 0100. Оп. 16. П. 108. Д. 6. Л. 7. См. также РКО в XX в. Т. III. Док. от 21, 23, 27 июля, 17 августа, 27/29 сентября, 31 октября 1932 г. и др. См.: Тихвинский С.Л. Избранные произведения. Кн. 4. Отечественная и всемирная история. М., 2006. Наука. С. 257–273.

- ⁵ О Д.В.Богомолове и его деятельности в КР см.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. См. также: *Соколов В.В.* «Забывтый дипломат». Д.В. Богомоллов в ННИ. 2004. № 3. С. 182–195.
- ⁶ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 20, 22, 23, 26 сентября. См. также ДВП СССР. 1968. Т. 14. С. 528.
- ⁷ По ориентировочным данным советских специалистов, общее число китайцев, готовых сражаться с японской армией в конце 1931 г. превысило 500.000 человек. Но к решительным действиям они не приступали. Согласно сообщению советского консула в Харбине их тактика – пассивные действия сегодня, активность завтра. «Завтра» связывалось с возможностью советско-японского конфликта. См. РКО в XX в. Т. III. Док. от 25 октября, 28 ноября, 11 декабря и др. 1932 г. См. также: *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е гг.). М., 1990. С. 136–142.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 16. П. 153. Д. 17. Л. 37.
- ⁹ См.: РКО в XX в. Т. III.
- ¹⁰ Там же. Т. III. Док. от 30 января 1934 г.
- ¹¹ См.: о Цзян Цзинго в: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 2. Приложения. РКО в XX в. Т. III. Док. от 3 февраля 1937 г.
- ¹² См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 4 декабря 1934 г., 15 февраля 1935 г., 28 июня 1935 г. и др.
- ¹³ См.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 40.
- ¹⁴ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 26 и 28 декабря 1933 г.
- ¹⁵ Там же, см. также: ДВП. Т. 16. С. 629.
- ¹⁶ См.: ДВП. Т. 16. С. 851. См. также: *Соколов В.В.* Указ. соч. С. 18.
- ¹⁷ РКО в XX в. Т. III. Док. от 30.01.1934 г.
- ¹⁸ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 3 августа 1933 г.
- ¹⁹ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 27 сентября 1933 г.
- ²⁰ Подчеркнуто нами (Р.М.).
- ²¹ Там же. Док. от 27 июля 1934 г.
- ²² Там же. Док. от 1 ноября 1934 г., 20 февраля, 9 июля, 7 сентября, 3 и 4 декабря 1934 г. В постановлении НКВД от 13 ноября 1934 г. было, например, записано: «Считать политически важным установление формально более дружественных отношений между Чан Кайши и Шэнь Шицаем».
- ²³ См., например, запись беседы И.В.Сталина с генералом Ян Цзэ, главой делегации КР на переговорах в Москве в ноябре 1937 г. в «РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. Док. 121. См. также: *Тихвинский С.Л.* Возвращение к воротам небесного спокойствия. М., 2002. С. 40 (о событиях 1939г.). *Мировицкая Р.А.* Советский Союз и Китай в годы разрыва и восстановления отношений (1928–1936 гг.). М. 1975. Гл. 5. Синьцзян в советско-китайских отношениях. С. 108–126; *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 30-ые годы XX века. М. 2007. С. 359–368.
- ²⁴ См.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 2.
- ²⁵ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 5, 25 февраля, 10, 29 марта 1935 г.
- ²⁶ Там же. Док. от 9 февраля 1935 г.
- ²⁷ См. там же. Док. от 17 февраля и 27 апреля 1933 г. 8, 9, 10, 11, 12, 15, 29 мая 1934 г. и др.
- ²⁸ См. по данному вопросу: *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. М. С. 205–206, 503; *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана. (20–30-е гг.). М. 1990. С. 106.
- ²⁹ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 28 сентября 1934 г.
- ³⁰ См.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 2.
- ³¹ См. ДВП. Т. 18. 1973. С. 437–438. См. также: ННИ, 2002. № 4. С. 187.
- ³² См.: Коминтерн, ВКП(б) и китайская революция. Т. IV. Кн. 1 и 2.
- ³³ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 23 марта 1936 г.
- ³⁴ См.: *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к свободе и независимости... С. 274. С.Л.Тихвинский при этом ссылался на «Чжоу Эньлай Няньпу: 1919–1949». Пекин. 1992. С. 299.
- ³⁵ См.: *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 275.
- ³⁶ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 20 января 1936 г.
- ³⁷ РКО в XX в. Т. III. Док. от 22 января и 23 марта 1936 г.
- ³⁸ См.: *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 284.
- ³⁹ РКО в XX в. Т. III. Док. от 28 декабря 1935 г., 19 декабря 1935 г.
- ⁴⁰ РКО в XX в. Т. III. Док. от 19 мая 1936 г.; ДВП. Т. XIX. С. 270.
- ⁴¹ Док. от 3 мая 1936 г. С. 24 и далее.
- ⁴² РКО в XX в. Т. III. Док. от 19 октября 1935 г.
- ⁴³ РКО в XX в. Т. III. Док. от 30 апреля 1936 г.
- ⁴⁴ РКО в XX в. Т. III. Док. от 19 мая 1936 г.
- ⁴⁵ РКО в XX в. Т. III. Док. от 19 октября 1936 г.
- ⁴⁶ САП РФ. Ф.3.Оп. 5. Д. 566. Л. 75–77. См. также: Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 190.

-
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 275. Л. 1, 5-9. Оpubл.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. 2004. Док. № 466. (Стр. 735–739).
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 275. Л. 1, 5-9. Оpubл.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. 2004. Док. № 466. (Стр. 735–739).
- ⁴⁹ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 14, 15, 17 декабря 1936 г., 21, 24 января 1937 г. Приложение к Т. III. См. также: *Тихвинский С.Л.* Дипломатия: исследования и воспоминания. М. 2001. С. 210–211.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 109.
- ⁵¹ ДВП. Т. XIX. С. 668, 670.
- ⁵² Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М. 2004. С. 44. См. также РКО. Т. III. Док. от 26–27 февраля 1937 г.
- ⁵³ РКО в XX в. Т. III. Док. от 11 февраля (два документа), 4 марта, 11 марта, 17 апреля.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 162 Д. 21 Л. 13.
- ⁵⁵ См.: Постановление ПБ ЦК ВКП(б) от 7 июля 1937 г. (РГАСПИ Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 94. См. также: РКО в XX в. Т. IV. Док. 16 и 17.
- ⁵⁶ См.: РКО. Т. III. Док. от 17 июля 1937 г. См. также: РКО в XX в. Т. IV. Док. 20, 21, 22, 24, 27, док. 20–55.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 115.
- ⁵⁸ См.: *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участников событий. 1937–1952. М. 1999. Л. 247–251.
- ⁵⁹ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. От 10 августа.
- ⁶⁰ РКО в XX в. Т. III. Док. от 22 августа (3 документа), 26 августа.
- ⁶¹ РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. Л. 9.